

КУЛЬТУРНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРАДИЦИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА

Ю. В. АРГУДЯЕВА
(Владивосток)

ЖИЗНЬ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ СТАРООБРЯДЦЕВ В МАНЬЧЖУРИИ¹

Аннотация. Статья посвящена русским крестьянам-старообрядцам, эмигрировавшим в Маньчжурию с Дальнего Востока в 1930-е годы. Рассматривается вклад старообрядцев в сохранение традиционной русской культуры в условиях Маньчжурии и взаимодействие с местными народами.

Ключевые слова: русские, старообрядцы, эмиграция, традиционная культура.

Русское сельское население Северного Китая, в частности Маньчжурии, состояло из эмигрантов — казаков и крестьян. Среди крестьян превалировали последователи древлеправославного исповедания — старообрядцы, переселившиеся на эти земли преимущественно в 30-е гг. XX в. из различных районов южной части Дальнего Востока (Приамурья и Приморья).

Пришлое население Приамурья и Приморья формировалось в основном из представителей русского и украинского этноса. На первых этапах освоения юга Дальнего Востока, в 50—60-х гг. XIX в., преобладали русские, исповедовавшие разные виды православия — древлеправославного, старообрядческого, и новообрядческого, никонианского. Наличие этих двух потоков обусловило в значительной мере особенности развития культуры и быта русских в

Дальневосточном регионе. Особую роль сыграли старообрядцы, сумевшие, как показали наши исследования, лучше других локальных образований русского этноса сохранить иконно русские традиции и быстрее других адаптироваться к новым социально-экономическим, экологическим, демографическим и этнокультурным условиям жизни. Основные причины их переселения на восток России — преследование со стороны господствовавшей ортодоксальной православной церкви и властей; экономические притеснения на родине и хорошие условия хозяйствования на Дальнем Востоке (отсутствие податей, воинской повинности, хотя и относительная, религиозная свобода), а также стремление завладеть по праву первоходцев наиболее выгодными промысловыми и земельными угодьями, завести торгово-обменные отношения с аборигенами, найти свободную страну — Беловодье. Особенностью их перемещения в восточные регионы России была семейная миграция, которая нередко сочеталась с одновременной миграцией нескольких родственных семей или семей однообщинников. Ареал миграции старообрядцев на восток России довольно обширен: центральные губернии страны, Поволжье, Урал, Сибирь, Алтай, Забайкалье. Это привело к поливариантности традиционной культуры русского этноса, принесшего на восток России как южнорусские, так и севернорусские традиции. Вся этнокультурная история дальневосточного старообрядчества — это история сохранения традиционной русской культуры в ее локальном варианте в специфических местных условиях. Высок был и потенциал русских старообрядцев, выразившийся в значительной адаптивной способности русского населения к условиям жизни на новых терри-

Научный альманах

Традиционная Культура 3/2010

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президиума РАН. Код проекта 09-И-П25-01.

ториях. В короткие сроки, восприняв некоторые приемы хозяйствования у аборигенов и живших здесь представителей восточно-азиатских народов, старообрядцы приспособили традиции хозяйственного уклада, материальной культуры и семейного быта к местным условиям и создали крепкие хозяйства.

Однако действия советской власти в 20—30-е гг. XX в., в том числе введение непосильных налогов, коллективизация, атеизация и другие мероприятия подорвали экономическую и нравственную основы крестьянских хозяйств. Многие домохозяйства подверглись так называемому раскулачиванию, в процессе которого забиралось практически все имущество, многие главы семей были арестованы и отправлены на общественные работы. Это послужило причиной бегства ряда крестьянских семей за рубеж, в том числе в близлежащую Маньчжурию. Так в 1932—1935 гг., преимущественно из Приморья, начался очередной виток миграционной подвижности старообрядцев, который привел их в иное культурное окружение.

Здесь, в Маньчжурии, им пришлось вновь приспосабливаться к новым этнокультурным условиям жизни. Проблема жизнедеятельности русских старообрядцев в восточных регионах России еще недостаточно изучена, хотя определенные исследования в этом направлении ранее уже были осуществлены автором [Аргудяева 2000; 2006]. Эти данные, а также информация, собранная в последующие годы от бывших приморских старообрядцев-эмигрантов, часть из которых возвратилась в Россию, а некоторые обосновались на американском континенте, позволили нам получить более полные сведения о пребывании этой группы русского этноса в иной этнокультурной среде и определить их роль в сохранении традиционной русской культуры.

Старообрядческие семьи, большинство из которых были раскулачены, уходили из Приморья в 1930-х гг. преимущественно через р. Уссури и ее притоки, тайно, ночью, теряя в пути некоторых

членов семьи. Преодолев пограничные преграды, большинство старообрядцев-эмигрантов оставались какое-то время в северной Маньчжурии, в близлежащих к советской территории районах. Первоначальная адаптация этих групп мигрантов проходила в сложных условиях. Все они зарабатывали на жизнь на поденных работах у китайцев — копали сено, рубили и распиливали строевой лес, кололи дрова, выполняли иные хозяйствственные работы. Плата за труд была мизерной, преимущественно продуктами. Выручали природная смекалка и большая трудоспособность. Некоторые вскоре стали пополнять пищевой рацион своей семьи за счет продуктов рыболовства, охоты на копытного зверя и боровую дичь.

Через год-полтора перебрались в Харбин, где могли получить небольшую помощь от Бюро российских эмигрантов (БРЭМ), созданного под протекторатом японской Квантунской армии как представительское учреждение русских всей Маньчжурии. Однако в этом городе, где на поденных работах главе семейства можно было заработать за день всего один рубль, старообрядцы не задержались. Да и привычны они были более к крестьянскому труду, к нему и стремились.

Старообрядец в охотничьей одежде. Пос. Романовка. Фото С. Ямадзэ

В Маньчжурии возникло несколько сельских поселений, основанных преимущественно старообрядцами из Приморья: Коломбо (Колумбэ), Чипигу (Масаловка), Селинхе, Медяны, Романовка и др. Все они были образованы сравнительно недалеко от Харбина и границы с Приморьем на совершенно незаселенных землях. Поселившиеся здесь крестьяне-старообрядцы впоследствии получили название «маньчжурцы» (или «харбинцы»). Их деревни к 1945 г., к приходу в Маньчжурию Красной Армии, имели десятки дворов. Например, в Романовке насчитывалось более 40 дворов и свыше 200 жителей.

Быт одной из старообрядческих деревень Маньчжурии — Романовки — был хорошо описан в ряде исследований ученых из Японии, находившихся в то время в этом регионе. Романовка интересовала японцев потому, что японское правительство собиралось отправить в Маньчжурию миллион семей переселенцев из Японии. Японским крестьянам необходимо было на новом месте как можно быстрее адаптироваться. И образ жизни старообрядцев изучался в качестве примера жизни в суровых маньчжурских условиях. Японские исследователи досконально изучили жизнь и быт старообрядцев Романовки, в том числе годовой цикл труда и от-

дыха, состав питания при разных видах работ (с учетом калорийности, наличия витаминов и др.) и меню по дням; устройство жилых и хозяйственных построек; набор сельскохозяйственных орудий, предметов бытового обихода, а также особенности общественной и религиозной жизни. По этим данным было опубликовано несколько книг [Тэруока 1942; Ямадзэ 1941]. С содержанием некоторых из них впервые россиян познакомил известный японский исследователь Ёсикадзу Накамура [Накамура 2000, 102–108]. Опираясь на эти работы, а также на наши полевые исследования, основанные на воспоминаниях реэмигрантов [ПМА 1: Басаргина], тайно мигрировавших вместе с родителями в 30-е годы XX в. из Приморья в Маньчжурию и живущих в настоящее время в Хабаровском крае, можно составить наиболее полную картину жизни «харбинских» («маньчжурских») старообрядцев.

По воспоминаниям информантов, в Маньчжурии они попали в сходную с Приморьем экологическую среду и условия для крестьянского труда. Это позволило перенести в новый регион все используемые на прежнем месте жительства способы жизнеобеспечения благодаря занятиям пашенным земледелием и скотоводством, а также охотой, рыболовством и сбором дикоросов.

На пахоте. Пос. Романовка. Фото С. Ямадзэ

Таким образом, в Маньчжурии старообрядцы жили тем же хозяйственным укладом, что и на Дальнем Востоке. Придерживались они традиций русских и в семейно-брачных, и общественных отношениях, и в материальной (жилище, одежда, пища, утварь) и духовной (религиозные воззрения, книжность; семейные и календарные обычаи и обряды) культуре.

В каждом селе была своя конфессиональная община. Маньчжурские старообрядцы относились к беспоповцам — часовенным. Службу отправлял в специально построенной молельне настоятель (начетчик). Совершались и ежедневные домашние моления. Во всех домах имелись старинные иконы и религиозные книги, привезенные из России. Духовную литературу (Библию, Псалтырь и др.) использовали и для обучения детей грамоте. Это была обязанность старшего поколения. Чаще всего эти функции брали на себя пожилые женщины. Причем приобщение к знанию азбуки и чтению старообрядческих книг могло быть обязательным для всех, если к такому решению приходил собор (собрание начетчиков и лиц, хорошо знающих каноны православной веры). Последний созывался обычно один раз в три года.

Конфессиональная община нередко сливалась с сельской. Они действовали в едином направлении по регламентации всей жизни однообщинников. В старообрядческих деревнях Маньчжурии было общинное самоуправление. В отличие от Приморья, где всегда был один староста, здесь выбирали на этот пост двух человек — для управления внутриобщинными делами и для связи общины с внешним миром. В обязанности последнего входил прием и размещение посетителей из числа японских исследователей и военных, представителей БРЭМа и других лиц, интересовавшихся хозяйственно-бытовым укладом и духовной

жизнью старообрядцев. Японцев удивляло обилие, по их мнению, религиозных праздников, в которые, как и в воскресные дни, по канонам православия, староверы не работали. Вместе с тем они отмечали, что производительность труда и урожай у маньчжурских старообрядцев выше, чем у их соседей-китайцев.

Обычно старосту выбирали сроком на один год. Выборы происходили на соборе, на котором обычно присутствовали только мужчины, но могли прийти и женщины-вдовы [ПМА 1: Селетков].

Бытова в старообрядческих селах и традиционная для русских взаимопомощь: вновь прибывавшим в общину семьям *помочью* рубили избу, выделяли скот, помогали в работе на пашне и сенокосе, при заготовке дров, рубке капусты, обработке льна и т. п. Хозяйства были крепкие, хотя и не отличались большой численностью.

Хозяйство староверов-маньчжурцев было натуральным, основанным, по традициям русских, на земледелии и скотоводстве. В этих отраслях хозяйства придерживались земледельческого календаря и земледельческих традиций. Пахали весной на лошадях. Впрягали обычно 3 лошади, на одну из них усаживали верхом мальчика в возрасте 6—7 лет — погонять лошадей. Боронить умели как мальчики, так и девочки-подростки. Бороны были самодельные, деревянные, с железными, сделанными в местной кузнице, зубьями. Землю под пары пахали осенью, в начале сентября и даже перед Воздвиженьем — 14 (27 по старому стилю) сентября.

Ребята и тигрята. Пос. Романовка. Фото С. Ямадзэ

Основной набор земледельческих культур в хлебопашестве был аналогичен приморским — яровая пшеница, овес, гречиха, просо, рожь. Сеять начинали в апреле и заканчивали в мае. В мае сажали и огородные культуры — картофель, тыкву, брюкву, огурцы, морковь, свеклу, помидоры, капусту и др. В небольшом количестве сеяли заимствованные от китайцев мак и сузу (масленичное растение). Толченую в ступе сузу употребляли в качестве начинки для пирогов и для приготовления масла [ПМА 1: Селетков]. Способы уборки (косяба хлеба косой с грабками и серпом), складирования снопов (*суслоны, клади*) и обмолота зерновых были традиционно русскими [ПМА 1: Селетков].

Домашний скот и птица были такими же, как и на родине: лошади, коровы, козы, утки, куры. Их разводили в необходимом для семьи количестве с учетом рабочей силы домохозяйства при заготовке сена и потребностей семьи.

Полностью земледельческой продукцией романовцы себя не обеспечивали. Часть ее, например, муку, рис и растительное масло, покупали у соседей — китайцев и корейцев, живших в Маньчжурии.

Охотились на таких же, как в Приморье, зверей (кроме соболя) — тигров,

изюбров, кабанов, белок, колонков и др. Добытое использовалось как в семье, так и для получения наличных денег. Крупных тигров убивали, а мелких — подростков и тигрят — ловили, продавали через Харбин для зоопарков и цирков. Весной у изюбров добывали *панты* (рога) и сбывали китайцам, которые использовали их в медицинских целях [ПМА 1: Селетков]. Из дикоросов добывали дикий виноград, различную ягоду, корень женьшения, грибы, кедровые и волоцкие орехи. Занимались пчеловодством. На пасеках были ульи-дуплянки и рамочные [ПМА 1: Селетков].

Жилые и хозяйственные постройки возводили так же, как и в Приморье, преимущественно по северорусской традиции: избы рубились из дерева — полубруса или круглых бревен, с использованием традиционных конструктивных способов («с остатком», «в охряпку», «в лапу», «в чистый угол»). Точно так же строили и хозяйственные постройки. Интерьер избы был традиционно русским. Его непременным атрибутом являлась духовая, так называемая *русская печь*, функции которой были разнообразны: в ней варили пищу, парились, лечились, сушили зерно и ягоды, на ней спали. По диагона-

В старообрядческой избе. Пос. Романовка. Фото С. Ямадзоз

ли от печи располагался *красный угол* с иконами, там же стояли стол и лавки; в других углах — супружеская кровать, сундуки. Рядом с печью, под потолком, устраивали, как и в России, *полаты*, на которых чаще всего спали дети и моло-дежь [ПМА 1: Гуськова].

Основу повседневной и праздничной пищи составляла традиционная русская еда — хлеб, мучные и крупуные изде-лия, домашнее и «дикое» мясо, рыба. В свежем и квашеном виде употребляли овощи. Из культивируемых и диких плодов (ягоды, дикие яблочки и виноград, актинидия) варили на меду варенье или сушили их в печи, используя зимой для начинки пирогов. Употребляли в пищу и другие дары тайги — черемшу, орехи, грибы. Из напитков в будни рас-пространен был квас, в праздничные дни — брага и медовуха. В приеме пищи строго придерживались еженедельных постных и «молосных» дней, а также «великого» и «малых» постов в течение календарного года.

Ткани для одежды использовали, как и в Приморье, преимущественно покупные. Покрой нательной и верхней одежды был традиционным. Основу женской нательной одежды составляли поликовая рубаха, «круглый» или ко-соклиинный лямошный *сарафан*, фартук

(*запон*), *шашмуря* (головной убор замужней женщины в виде шапочки — чепца с завязкой-вздергкой на затылке) и различные платки фабричного и до- машнего (вязаные) изготовления. Основа мужской нательной одежды — рубаха со стоячим или отложным воротом, с прямым или боковым разрезом спере-ди и штаны. Непременный атрибут и мужского, и женского костюма — вы-тканный или вывязанный поясок, на-деваемый женщинами поверх сарафана, мужчинами — поверх рубахи [ПМА 1: Басаргина]. Пояса, выполняя функцию оберега, использовались не только в повседневной жизни, но и играли важ-ную роль в семейных и календарных обрядах.

Практически полностью сохрани-лись традиции и в семьяно-брачных отношениях [ПМА 1: Гуськова]. Руко-водство общины строго следило за тем, чтобы в брак вступали исключительно с одноверцами с учетом брачных запре-тов до восьми степеней по кровному, а также по духовному (кумовья) родству. В случае нарушения этого запрета суп-ругов разводили, могли и отлучить от религиозной общины. Строго относи-лись и к внебрачным отношениям, но «грехи» у молодых все же случались, в итоге девушка оставалась беременной,

На девичнике. Пос. Романовка. Фото С. Ямадзоэ

иногда и рожали «в девках». Бывало, что виновным оказывался родственник или однообщинник, который не хотел брать в жены обманутую им девушку. Тогда общество принуждало отдать пострадавшей семье корову, а девицу стремились выдать замуж за вдовца или прибывшего обедневшего переселенца-старообрядца. Предупреждение зачатия и аборт рассматривались как очень большой грех. Считалось, что уже на третий день после зачатия у ребенка есть душа и убить ее нельзя. Женились и на вдовах, но их детей тогда обычно воспитывала не мать, а брат мужа. Бывали браки и с мигрантами-украинцами, которые не принимали старообрядчество. В таких случаях детей этой брачной пары по старообрядческой вере не крестили. Брачных контактов с китайцами не было [ПМА 1: Селетков].

Семьи были преимущественно малые, состоящие из родителей и их неженатых (незамужних) детей, но сохранялись и большие неразделенные семейные коллективы, насчитывающие около трех десятков человек. [ПМА 1: Басаргина]. Женатого сына через несколько лет обычно отселяли, выделяя ему участок земли. В семье бытовало разделение труда на мужской и женский, хотя не-

редко, в отсутствие мужчин, взрослые женщины выполняли и сугубо мужские работы (пахали, косили, сеяли и даже охотились). Во главе семьи стоял старший мужчина, он же вместе с женой «держал» семейную кассу, часто выбирал для сына невесту, а для дочери жениха. В неразделенных семьях, помимо этого, глава семьи распоряжался всеми мужскими работами, а его жена — женскими, назначая понедельно невесток на ту или иную работу [ПМА 1: Гуськова].

Через семейный быт к реалиям жизни приобщались и дети. Их рано привлекали к повседневному крестьянскому труду. Весь уклад семейного коллектива и конфессиональной общины готовил ребенка к будущей трудовой, семейной и духовной жизни, знакомил с нравственными идеалами старообрядчества. К повседневному крестьянскому труду дети приобщались с ранних лет. Мальчики осваивали мужские работы (полевые, выпас скота, общение с ружьем и ловушками на пушного зверя и т. п.), девочки — женские (учились нянчить детей, готовить пищу, шить, прядь, вязать и т. п.) [ПМА 1: Гуськова].

Так протекала жизнь русских старообрядцев в Маньчжурии. В 1945 г., с приходом в Маньчжурию Красной

Девочка у детской люльки. Пос. Романовка. Фото С. Ямадзоэ

Армии, жизнь «маньчжурских» старообрядцев изменилась. Многие мужчины-старообрядцы были арестованы и отправлены в Россию, в лагеря, освободились из которых они только после смерти Сталина. Их жены с детьми оставались в Маньчжурии. Часть из них в 1950-е гг. воссоединилась со своими мужьями, а некоторые вместе с родственниками эмигрировали в Австралию, Южную Америку, откуда перебрались в Северную Америку. Так распались многие семейные коллективы.

Завершая краткий обзор материалов о старообрядцах, эмигрировавших в свое время из Приморья в Маньчжурию, отметим ряд моментов, характеризующих стойкие традиции и новации в жизни представителей русских старообрядческих общин в условиях принимающей стороны:

1. Для маньчжурских старообрядцев, как и при переселении в Приморье, была характерна семейная миграция.

2. Расселение старообрядцев-эмигрантов в Маньчжурии недалеко от границ Приморья обусловило их жизнедеятельность практически в аналогичных природных и хозяйственных условиях, что значительно облегчило их хозяйственный уклад. Предприимчивые по натуре последователи «древлего благочестия» и в Маньчжурии нашли возможность получать дополнительный доход, но не от добычи соболя, как в Приморье, а от ловли тигрят для зоопарков мира.

3. Значительных трений ни с японскими властями, ни с китайским населением, за исключением хунхузов (разбойников), не было. Многие китайцы, жившие в этих же приграничных территориях, знали старообрядцев лично, так как сами неоднократно приходили в таежные районы Приморья на охоту и за сбором дикоросов и нередко временно поселялись у староверов. Китайские крестьяне, жившие в районе расселения старообрядцев, видели в них защитников от хунхузов, которые боялись русских охотников и несли от них большие потери в живой силе. Выгодными были и экономические контакты — китайцы охотно приобретали у старообрядцев-охотников продукцию зверобойного

промысла (молодые рога оленей (панты), «струю» кабарги и др.).

4. Некоторое взаимовлияние культур между русским и китайским сельским населением осуществлялось только в хозяйственной деятельности (заимствование некоторых земледельческих растений и способов обработки и хранения огородных культур).

5. Всегда сравнительно быстро воспринимавшие хозяйственные новшества старообрядцы и в условиях Маньчжурии шире стали использовать более совершенные сельскохозяйственные орудия при возделывании почвы, частично механизировали обработку зерновых и молочных продуктов.

6. Наметилась тенденция определенной демократизации семейно-брачных отношений — выбор брачного партнера не только родителями, но и самой молодежью. Однако традиция вступать в брак только со «своими», т. е. старообрядцами, держалась стойко.

7. Схожие с Приморьем природно-климатические условия позволили в основном не изменять традиции в материальной культуре (в способах строительства жилых и хозяйственных построек, интерьере; покроем верхней и нательной одежды; наборе пищевых продуктов, способах их заготовки, хранения, приготовления).

8. Более стойкой, чем остальные виды жизнедеятельности, оказалась духовная, и прежде всего религиозная, культура. Регламент повседневного домашнего уклада, основы семейно-брачных отношений, отправления семейных, календарных и религиозных обрядов не претерпели никаких изменений. Начетчики, старшее поколение и в целом конфессиональная община строго следили за соблюдением всех норм жизни, принятых в старообрядчестве.

Таким образом, иноэтническое окружение не помешало русским крестьянам сохранить в большей или меньшей степени свои традиции в хозяйстве, семейно-бытовом укладе, материальной и духовной культурах, и прежде всего в религии. По мнению маньчжурских староверов-реэмигрантов, именно религиозные воззрения помогли им выжить в чужой стране,

пройти сталинские лагеря, а их родственникам — эмигрантам из Китая в страны Азиатско-Тихоокеанского региона — сохранить русскую культуру и язык в новых старообрядческих поселениях в Бразилии, Уругвае, Австралии, Канаде, США. В этом мы убедились, осуществив весной 2010 г. полевые исследования среди русских старообрядцев Северной Америки.

В настоящее время реэмигранты — бывшие маньчжурские старообрядцы, — их дети и внуки живут в Сибири и на российском Дальнем Востоке. У них сохранились тесные родственные (в форме переписки, взаимных гостевых поездок) связи с бывшими жителями Маньчжурии и их потомками, находящимися ныне в Австралии, Южной и Северной Америке.

Литература

Аргудяева 2000 — *Аргудяева Ю. В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000.*

Аргудяева 2006 — *Аргудяева Ю. В. Этническая и этнокультурная история русских на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.). Кн. 1. Крестьяне. Владивосток, 2006.*

Накамура 2000 — *Накамура Ё. Староверы глазами японцев // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока / отв. ред. Ю. В. Аргудяева. Владивосток, 2000. С. 102—108.*

Тэруока 1942 — *Тэруока Г. Сельское хозяйство и жизнь белых русских. Токио, 1942. На яп. яз.*

Ямадзоэ 1941 — *Ямадзоэ С. Рассказы о Романовке. Чаньчунь, 1941. На яп. яз.*

Сокращения

ПМА 1 — Полевые материалы экспедиции автора в Солнечный район Хабаровского края, август — сентябрь 2006 г. (информанты: М. И. Басаргина, 1929 г. р.; А. И. Гуськова, 1925 г. р.; Л. И. Селетков, 1919 г. р.; Н. И. Селетков, 1921 г. р.).

Summary. The article is devoted to Russian peasants — old-believers, who have been migrants to Manchuria from Far East in 1930 years. Their contribution to preservation of traditional Russian culture according to Manchzhurian conditions and interaction with native peoples are viewed.

Key words: the Russians, old-believers, migration, traditional culture.

Е. С. ДАНИЛКО
(Москва)

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ВЗАЙМОДЕЙСТВИЯ В УРАЛО-ПОВОЛЖЬЕ: СТАРООБРЯДЧЕСТВО СРЕДИ «ИНОРОДЦЕВ»¹

Аннотация. Статья посвящена проблеме распространения старообрядчества среди народов Урало-Поволжья, причинам и характеру этого явления среди мордвы и чувашей на основе опубликованных источников и авторских полевых материалов.

Ключевые слова: старообрядцы, традиционная культура, межконфессиональные взаимодействия

До недавнего времени исследования, характеризующие старообрядчество как полиэтническое образование, оставались редкими и фрагментарными. На сегодняшний день ситуация изменилась в лучшую сторону. Благодаря Е. М. Фишман наиболее полно описана культура старообрядцев-карел [Фишман 2003], появились интересные современные работы о коми-зырянах [Волкова 2000; Шарапов 1996; 2001], в том числе диссертационные [Власова 2002; Чувьюров 2003]. При этом все исследователи отмечают, что, будучи изначально русским явлением, старообрядчество, несмотря на известное стремление его приверженцев к замкнутости, постепенно проникает в другую этнокультурную среду вследствие различных — хозяйствственно-бытовых, брачных, социокультурных — взаимодействий с окружающим населением. И если об открытости старообрядцев к контактам, вопреки декларируемой замкнутости, написано уже достаточно много, то проблема открытости других народов для старообрядческой религиозной доктрины требует, на наш взгляд, более детального осмысления. Ведь подобное

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 08-01-00284а «Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья».